

Е.В. Щекотин

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В ТУРБУЛЕНТНОМ СОЦИУМЕ: КАТАСТРОФЫ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Понятие «качество жизни» рассматривается через проблемное поле социологии повседневности. Качество жизни определяется как мера благополучия сообщества. Благополучие понимается как стабильность устойчивых повседневных практик (рутин). Опираясь на данное положение, рассмотрены два феномена – катастрофа и чрезвычайное положение.

Ключевые слова: качество жизни; практика; социология повседневности; катастрофы; чрезвычайное положение.

Тема качества жизни в социологии актуальна, она имеет сильные политические коннотации. Однако качество жизни как понятие теоретической социологии наделено одним серьезным недостатком – оно не имеет теоретического обоснования. Обращаясь к социологии повседневности, мы попытаемся сформулировать твердые теоретические основания этой категории.

Концепция «качества жизни», в отличие от «уровня жизни», изначально была ориентирована на цели, близкие к экзистенциальной проблематике. Они связаны с такими понятиями, как счастье, свобода, достоинство, благополучие, полнота существования, возможности для самореализации и т.п. Само появление концепции «качества жизни» было обусловлено ограниченностью и недостаточностью понятия «уровень жизни» в условиях развитого капиталистического общества.

Качество жизни связано с характеристикой благополучия общества. Справедливым представляется мнение А.А. Возмителя: «Важнейшие интегральные показатели качества жизни – социальное благополучие и социальное самочувствие» [1. С. 25]. Благополучие является многозначным понятием, рассмотрим его сущность с помощью теоретического аппарата социологии повседневности.

Эти социальные теории опираются на понятия практики и повседневности. Согласно А. Шюцу, «человек в каждый данный момент повседневной жизни имеет личный комплекс знаний, который служит ему схемой интерпретации его прошлого и нынешнего опыта, а также определяет предвосхищение им будущих событий» [2. С. 320]. Этот комплекс знаний является типизированным, он образует континуум повседневной жизни. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, «реальность повседневной жизни поддерживает себя путем воплощения в рутины» [3. С. 242]. Рутинизация конструирует «фон» повседневности, контекст, в котором разыгрывается драма человеческой жизни. Чтобы быть эффективными, фоновые практики должны быть «неразрывными».

Фоновые практики формируют «жизненное пространство» человека, среду обитания. Для человека – это привычный мир, это пространство, где исход событий и взаимодействий предсказуем, определен. Эти исходы укладываются в принятую и привычную схему, они составляют конечную и хорошую известную чело-

веку из прошлого опыта область значений. Они образуют «знакомый мир», т.е. такой континуум, в котором возможные варианты развития событий известны, они не ставят перед актором неразрешимых (не имеющих в наличном опыте) вопросов.

А. Макинтайр говорит в этой связи, что актер обладает «теорией»: «Каждый актер обладает своим сценарием, картой, программой, посредством которой он управляется с общественной реальностью» [4. С. 140]. Именно обладание «теорией» в том значении, которое использует А. Макинтайр, будем в дальнейшем понимать как когнитивную основу рутины повседневной жизни. Это не значит, что теория неизменна, она подвижна и может трансформироваться.

Когда происходит событие, которое не попадает в область ожидаемых исходов (расходящихся с теорией), нарушается непрерывность рутины, фон повседневных взаимодействий «дырявится». В нем образуются анклав опыта, который не типизирован и является проблематичным. Как правило, это непривычное, неординарное событие ставит нас в затруднительное положение, наши действия неопределенны и спонтанны. Оно заставляет нас осознавать механику рутины, которая в обычных условиях неосознаваема, не является предметом мысли.

В буквальном смысле, мы теряем почву под ногами, оказавшись в пространстве незнакомого мира неопределенности. С течением времени фоновые практики «латают» дыру, проделанную непредвиденным событием, рутинизируют неизвестное, переводя в известное и знакомое. Тем самым восстанавливается непрерывность повседневности. Однако чем масштабнее событие, чем серьезнее последствия, тем сложнее затянуть образовавшуюся лакуну тканью рутинных действий.

Фоновые практики, повседневная рутина создают особое жизненное пространство, которое хорошо нам знакомо, где мы можем контролировать ход вещей. Возможно, положение вещей и исходы событий в этом мире нас не устраивают, но он предсказуем, и это его главное свойство. Можно привести слова З. Баумана, которые в лаконичной форме отражают эти постулаты: «Все вещи пребывают в порядке, если нет необходимости беспокоиться о порядке вещей; вещи упорядочены, если вы не думаете либо не ощущаете потребность думать о порядке как о проблеме, не говоря уже – как о задаче. И как

только вы задумываетесь о порядке, это наверняка свидетельствует о том, что где-то он нарушается, что вещи выходят из под контроля, и необходимо что-то сделать, чтобы вернуть их в привычное положение» [5. С. 39].

Э. Гидденс говорит о коконе «онтологической безопасности», который формируется на основе доверия и уверенности. Практическое сознание поддерживает эту уверенность при помощи рутинизации повседневной среды. Повседневная рутина создает своеобразный «кокон» вокруг человека, ощущение безопасности, которое, по выражению Л. Витгенштейна, есть «знание того, как действовать дальше». «Жизнь как “нормальную” и “предсказуемую” как раз и конституирует рутинная практика индивидов, пространственно-временные пути следования которых пересекаются между собой в контексте повседневной жизни. Нормальность как тонкий узор вплетается в ткань социальной деятельности» [6. С. 121].

В случае, когда на уровне больших социальных обществ повседневные рутины действуют безотказно, когда «кокон» доверия не позволяет хаосу вторгнуться внутрь упорядоченного пространства жизни, тогда мы говорим о высоком уровне благополучия. В обратном случае, когда на уровне повседневных действий рутины перестают работать, перестают быть «релевантными», тогда речь идет о ситуации неблагополучия. Иными словами, чем реже мы сталкиваемся с ситуацией неопределенности, неясности дальнейших действий, чем реже осознаем наши действия при осуществлении повседневных практик, тем благополучнее наше сообщество, и наоборот.

В этом смысле качество жизни можно рассматривать как концептуализацию благополучия в обществе. В приведенном выше определении качества жизни А.А. Возмителя мы подчеркиваем именно фактор социального благополучия, тогда как второй элемент – социальное самочувствие, т.е. оценка самим актором своего положения, – зависит в большей мере от культурных, этнических, религиозных, исторических, психологических факторов

Итак, критерием благополучия общества является качество жизни. С точки зрения социологии повседневности это означает «удобность» мира в восприятии сообщества (или «укорененность в мире» в смысле взаимодействия между актором и окружающей средой). Если взаимосвязь между актором и средой успешно регулируется действующей рутинной, то мир для человека становится привычным, он будет «укоренен» в этом мире. Иная ситуация, когда равновесие нарушается, рутины повседневности не справляются с вызовами среды. В этом случае защитный кокон рвется, привычные рутины перестают быть эффективными и функциональными, человек оказывается перед лицом «голой жизни» (Дж. Агамбен).

Этот тезис будет для нас главной посылкой в дальнейшем рассуждении. С мелкими «поломками» рутинных практик мы сталкиваемся ежедневно – люди порой действуют не так, как вы ожидаете (самый очевидный

пример – это поведение водителей на дороге). Эти события снижают качество жизни, однако они не фатальны, с ними можно справиться, чего не скажешь о последствиях таких двух явлений, как катастрофа и чрезвычайное положение.

Обыденные нарушения фоновых практик (или сама их возможность) осложняют наше повседневное существование, выводят из равновесия. Метафорически можно выразиться, что повседневные проблемы растягивают «ткань» «кокона» (фона), порой приводя к небольшим разрывам; катастрофы и чрезвычайные положения рвут эту «ткань» в мелкие куски, не оставляя ничего.

Следует оговориться, что термин «качество» имеет два значения: философское и производственное. Первое восходит к определению Гегеля: «Определенность как изолированная сама по себе, как сущая определенность, есть качество» [7. С. 172], т.е. качество здесь – это определенность предмета, без которой он перестает существовать. Второе понимание «качества» нашло отражение в концепте «качества продукции» как соответствия параметров продукта установленным требованиям. Здесь речь идет об интенсивности тех или иных характеристик продукта. Между этими двумя значениями нет принципиального противоречия: производственный подход позволяет нам исследовать интенсивность качеств и свойств, а философский подход говорит о бытии и небытии предмета. Философский подход является предельным случаем производственного, когда интенсивность каких-то свойств достигает предельного значения, за которым следует исчезновение, «небытие» самого предмета.

Мы рассмотрим два таких предельных случая, когда качество жизни разрушается (обнуляется), когда привычный порядок вещей разрушается. Природные и техногенные катастрофы разрушают не только материальные объекты, они поражают социальные процессы. Вещи разрушают привычную систему отношений, рутину, в которую они включены, нарушают «установленный» порядок взаимодействия с ними, выходят из-под контроля. Идет ли речь о природной стихии или технической системе, ключевой момент – это потеря контроля, разрыв привычной схемы взаимодействия с этими вещами.

Катастрофы практически не исследованы как социологический феномен. О.Н. Яницкий называет социологию катастроф «пасынком» социологии [8. С. 67]. О.Н. Яницкий отмечает, что «в литературе часто разделяют катастрофу, определяемую в терминах материальных и людских потерь, и как социологическую категорию, определяемую в терминах изменения социальной структуры и социального порядка. Поэтому западные авторы полагают, что правильным, с социологической точки зрения, будет вопрос “Не что такое катастрофа”, а “Какие структуры и порядок действовали до катастрофы и как они изменились после нее”» [8. С. 69].

Такая постановка вопроса дает нам возможность перевести проблематику катастроф на язык социологии повседневности и исследовать катастрофы сквозь призму качества жизни. Катастрофа с социологической

точки зрения – это крах, крушение привычного социального порядка, нарушение рутинных практик, основанных на действующем комплексе знаний. Известные нам из фоновых практик ходы и решения перестают быть эффективными, становятся бессмысленными. Должно пройти время, чтобы выкристаллизовался новый социальный порядок, включающий знания, «обогащенные» катастрофой.

Нужно согласиться с О.Н. Яницким, что применение термина «адаптация» по отношению к новому посткатастрофическому социальному порядку не позволяет раскрыть содержание этого процесса, более точным будет термин «реабилитация». «Полное воспроизведение невозможно ни материально, ни психологически, в силу того, что люди, пережившие катастрофу, их привычная среда обитания становятся иными, в результате чего формируется иной социальный тип» [8. С. 70].

Катастрофа – это резкая смена правил, регулирующих повседневность. Велик соблазн обратиться к принципам сетевой теории Б. Латура. Природные и технические объекты являются элементами сетей, более того, как социальные факты они могут представляться только как сетевые фрагменты, с которыми взаимодействуют другие элементы и которые организуют взаимодействие других элементов. Катастрофа имеет место, когда такой объект (например река) перестает быть элементом сети, перестает действовать по установленным правилам, выходит за рамки сетей. В этом случае сеть разрушается, объект ведет себя хаотично, связь других элементов распадается.

С точки зрения качества жизни не имеет значения, какова природа катастрофы: была ли она результатом природной стихии или аварии, революции или биржевого краха – наиболее существенным моментом является факт разрыва непрерывности фоновых практик, разрушение защитного кокона. Известные вещи, порядки, правила, нормы перестают конструировать представление о реальности, они утрачивают действительность. Это ситуация предельной неопределенности, растерянности, из которой со временем «затвердевают» новые социальные конструкции, которые включают катастрофу в типизированный опыт.

Хотя в современном мире количество различных катастроф стремительно возрастает, они все еще остаются уникальными событиями. Поэтому на их примере легче понять, как конструируется качество жизни в «турбулентном» обществе. Ч. Перроу показал на примере современных технологий, что авария является системным свойством сложных технических систем. Этот принцип можно перенести на современное общество, для которого характерна высокая комплексная сложность. «Турбулентное» общество (Дж. Урри) самой своей сложностью генерирует системные «аварии» (кризисы). Различие между аварией и катастрофой определяется только масштабами поражений. «Нормальные» аварии (обусловленные самым порядком вещей, сущностью технологических процессов) происходят непрерывно, значительно или не очень нарушая социальный порядок.

Катастрофы являются актуализацией средового риска, средовым риском в действии [9. С. 7]. «Риск означает предощущение, осознание катастрофы» [10. С. 6]. В социологическом плане важны не только последствия катастроф, более важным является предчувствие катастрофы как общественное явление. Когда угроза катастрофы укореняется в общественном сознании, она изменяет траектории человеческих действий. Правительств и отдельные люди начинают действовать с пониманием реальности катастрофы, как если бы она уже произошла. Недопущение катастрофы требует особых мер, которые в свою очередь изменяют социальное пространство. «Предчувствие грядущих катастроф в настоящем (и кризис евро вновь живой тому пример) порождает всевозможные турбулентности внутри национальных и интернациональных институций, а также в повседневной жизни людей» [10. С. 6]. Риски генерируются турбулентностью и сами генерируют эту турбулентность. Поэтому риски становятся значимой действующей силой, актантом, а общество превращается в «общество глобального риска» (У. Бек).

Риски переносятся из сферы маргинального, удаленного, строго очерченного социального пространства в область повседневности. Они встраиваются в рутину, становятся фоном, на котором разворачивается повседневная жизнь людей. Это обнаруживается в разных явлениях: в постоянном ожидании катастрофы, в обилии опасных вещей, которые нас захлестнули, в понимании того, что самые простые действия могут быть небезопасными. Пролиферация рисков в повседневные практики порождает всплеск неопределенности, недоверия, что в свою очередь генерирует новые потоки рисков и т.д.

Другой пример – это чрезвычайное положение, детально проанализированное Дж. Агамбенем. Чрезвычайное положение он понимает как ситуацию остановки действия правовых норм, как особое пустое правовое пространство, внутри которого не работают все юридические понятия. «Чрезвычайное положение является не диктатурой... но пространством правового вакуума, зонной аномии» [11. С. 82]. Это пространство очень специфично – закон распространяется на это пространство, однако не действует внутри него. Складывается разрыв между существованием правовой нормы и возможностью ее реализации. «Как если бы право содержало существенный разрыв, который разделял бы норму и ее применение и который, в самом крайнем случае, мог бы быть созданием пространства, в котором закон как таковой остается в силе, однако применение его приостановлено» [11. С. 53]. В этой связи характерно высказывание У. Бека: «Общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение» [12. С. 27].

На первый взгляд, социологическая интерпретация чрезвычайного положения покажется проблематичной, однако если рассмотреть правовые нормы как правила повседневности, то станет ясно, что применение теоретических постулатов социологии повседневности здесь вполне допустимо. Правовые нормы (в особенности

прочно укорененные в культуре – например, запрет на убийство или кражу) становятся типизированным опытом, который для нас является непроблематизируемым (мы не задумываемся над тем, что не совершаем кражу, однако размышляем, когда собираемся ее совершить). Введение чрезвычайного положения (Дж. Агамбен связывает его с гражданской войной) останавливает действие определенного вида практик – правовых практик, которые укоренены в правовом сознании.

Можно провести параллели между катастрофой и режимом чрезвычайного положения с точки зрения социологии повседневности. Чрезвычайное положение является своеобразным эквивалентом катастрофы, только в правовом пространстве. Как катастрофа внезапно разрушает установленный порядок вещей, привычные формы жизни, так же установление чрезвычайного положения разрывает существующий правовой порядок. Катастрофа уничтожает материальные условия существования людей, чрезвычайное положение превращает юридические понятия в пустые бездейственные абстракции.

В обоих случаях повседневность претерпевает радикальные и очень стремительные (порой мгновенные) трансформации: хорошо известные правила перестают работать, уверенность в их действенности и релевантности переходит в неуверенность и дезорганизацию. Знакомый мир в одночасье становится незнакомым; те, кто хорошо понимал логику повседневных рутинных практик, перестают понимать мир катастрофы и чрезвычайного положения (не случайно это золотое время для разного рода маргиналов и проходимцев, что хорошо иллюстрирует история нашей страны в периоды после Революции 1917 г. и распада СССР в 1991 г.). Такие резкие переходы очень болезненны для населения – их привычный благополучный мир превращается в руины.

Затем наступает «нормализация», происходит реконструкция повседневности – выстраиваются новые конфигурации практик, рутинизируются формы деятельности. Тем самым выстраивается модель благополучия, релевантная для сложившейся конкретной исторической ситуации. Она может представляться безнравственной, принимать уродливые формы, совершенно не согласующиеся с докатастрофической моделью, но эта новая модель действительна, она конструирует свои собственные критерии высокого и низкого качества жизни. Ужас катастрофы (или войны) вынуждает людей соорудить другой кокон «онтологической безопасности», типизировать другие правила повседневной жизни.

В статье мы рассмотрели два крайних примера, когда качество жизни может перестать существовать (в гегелевском смысле), перейти в небытие. В нашей повседневной жизни катастрофы и чрезвычайные положения являются уникальными событиями. Гораздо чаще мы сталкиваемся с не столь масштабными явлениями. Сложность современного общества и сопутствующие этому процессы – неопределенность, нестабильность, неуверенность – производят ежедневно огромное число «аварий», нарушений действующих правил, сбоев фоновых практик. Это и составляет содержание качества нашей жизни: когда таких аварий немного, мы говорим что это качественная жизнь (или говорим о благополучии), когда нарушения превышают приемлемую для нас планку, то мы говорим о неблагополучии.

Такой взгляд на повседневность и качество жизни позволяет нам предложить новый методологический подход к оценке качества жизни – рискологический. Критерием качества жизни является величина совокупных рисков жизнедеятельности (под которой понимается как раз устойчивость («прочность») повседневных фоновых практик).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Возмитель А.А.* Качество жизни в доперестроечной и пореформенной России // СОЦИС. 2013. № 2. С. 25–32.
2. *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
4. *Макинтайр А.* Идеология, социальная наука и революция // Логос. 2012. № 2 (86). С. 134–159.
5. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
6. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
8. *Яницкий О.Н.* «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы // СОЦИС. 2012. № 1. С. 67–76.
9. *Яницкий О.Н.* Массовая мобилизация: проблемы теории // СОЦИС. 2012. № 6. С. 3–12.
10. *Бек У.* Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот // http://www.gorby.ru/userfiles/lekciya_ulrih_beka.pdf
11. *Агамбен Дж.* Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011.
12. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 4 декабря 2013 г.

QUALITY OF LIFE IN A TURBULENT SOCIETY: DISASTER AND STATE OF EMERGENCY FROM THE POINT OF VIEW OF SOCIOLOGY OF EVERYDAY LIFE

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 62–66. DOI: 10.17223/15617793/380/10

Shchekotin Yevgeniy V. Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: evgvik1978@mail.ru

Keywords: quality of life; practice; sociology of everyday life; disaster; state of emergency.

The article presents an unconventional approach to the concept of quality of life. Quality of life is considered as a measure of social wellbeing. The proposed approach uses the conceptual apparatus of sociology of everyday life. Sustainable everyday practices (routines)

are considered as the basic mechanism for constructing wellbeing of the community forming the conditions of “ontological security”. Quality of life is characterized by the “strength” (stability) of the usual forms of life. Violation of customary rules of organization of everyday practices leads to a lower quality of life. This approach is examined in the two examples – disaster and the state of emergency. In both examples it is shown that due to these events everyday practices are completely destroyed. This is the reason of sharp decrease in the quality of life. Disaster is understood as a very rapid change in time of the existing (usual) procedures and structures of the reality. This leads to the disintegration of sustainable networks between the natural, the technical, and the social. The impact of disaster on the population’s life quality does not depend on its nature. Of decisive influence is the process of a drastic destruction of sustainable structures of everyday life. The state of emergency is understood as a stop of legal rules application (as a rule, it is the case of a civil war). The state of emergency in terms of sociology of everyday life is the abolition of the existing regulations (primarily, of the law enforcement nature) that organize the everyday interaction between people. This also leads to a decrease of life quality as familiar and understandable rules no longer apply and the new ones have not yet been established. The causes of these events can be the realization of the immanent laws of the social system. In modern society, the generation of the complexity of technical and social systems leads to a rapid growth of uncertainty, instability and turbulence. It generates a large number of failures and accidents. “Disaster” and “emergency” cover the society, become its normal state. In this regard, the task of improving the quality of life should include the prevention of such “normal” events as a disaster at different levels of social organization. Disaster is an implementation of the environmental risk. Therefore, the amount of risk should be considered as a measure of the welfare of society and, accordingly, as a quantitative expression of the quality of life. Such a view on the problem of everyday life allows presenting a new perspective of studies of the quality of life within the risk-science approach. The criterion of life quality is the amount of aggregate risks of life (which is understood as time resistance (“strength”) of everyday background practices).

REFERENCES

1. Voz'mitel' A.A. Kachestvo zhizni v doperestrochnoy i poreformennoy Rossii. *SOTSIS*. 2013. No. 2. P. 25-32.
2. Shyutts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii. M. : Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003.
3. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M. : Medium, 1995.
4. Makintayr A. Ideologiya, sotsial'naya nauka i revolyutsiya. *Logos*. 2012. No. 2 (86). P. 134-159.
5. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M. : Logos, 2002.
6. Giddens E. Sud'ba, risk i bezopasnost'. *THESIS*. 1994. Vyp. 5. P. 107-134.
7. Gegel' G.V.F. Nauka logiki : v 3 t. V. 1. M. : Mysl', 1970.
8. Yanitskiy O.N. «Pasyunki» sotsiologii: prirodnye anomalii i katastrofy. *SOTSIS*. 2012. No. 1. P. 67-76.
9. Yanitskiy O.N. Massovaya mobilizatsiya: problemy teorii. *SOTSIS*. 2012. No. 6. P. 3-12.
10. Bek U. Zhizn' v obshchestve global'nogo riska – kak s etim spravit'sya: kosmopoliticheskiy povorot // http://www.gorby.ru/userfiles/lekciya_ulrih_beka.pdf
11. Agamben Dzh. Homo sacer. Chrezvychaynoe polozhenie. M. : Evropa, 2011.
12. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M. : Progress-Traditsiya, 2000.